

ВОЛГА ВПАДАЕТ В РЕЙН

Аугуст Бауэр поселился в немецком городке над рекой Мозель, среди виноградников. После того, как внучка его выросла и уехала учиться в Мюнхен, в университет, оставив его одного в маленьком доме, он стал по-своему чудить – увлекся живописью. Он купил мольберт, масляные краски, холсты и начал писать очень похожие одна на другую картины, которыми завешивал затем стены своего домика или отсылал Аэлите. Седой, рослый, длинноволосый, он напоминал старого Леонардо да Винчи, попавшего в непонятный век и задумчиво сидящего на высоком берегу незнакомой реки, пытаясь вспомнить откуда он пришел. Этот странный Леонардо часами вглядывался вдаль, чтобы лишь изредка спохватиться и сделать мазок по холсту. Порою к нему приближались любопытные туристы и праздно гуляющие бюргеры с собачками, чтобы заглянуть мастеру через плечо и несказанно удивиться. На холсте мало что напоминало изгиб реки, игрушечный, белый немецкий городок внизу и кучерявые виноградные холмы за ним, аккуратно расчесанные на зеленые ряды. Вместо этого странному художнику виделась почему-то плакучая ива, тихое озеро с кувшинками и желтой лилией в правом нижнем углу, да еще две дрожащие голубые стрекозки над цветком. Похоже, этому задумчивому Леонардо, прибывшему неведомо откуда, река Мозель нужна была для того лишь, чтобы подсмотреть, как выглядят отражения белых облаков в воде. Но и всматривался в них он тоже странно: подолгу и очень уж рассеянным взглядом. Подсыхающая кисть лежала при этом на палитре или покачивалась в безвольно свисающей руке художника. Он сидел на своем парусиновом стульчике, среди пения птиц и гудения пчел, но был при этом где-то очень-очень далеко...

Престарелый художник действительно путешествовал при этом мыслью и памятью по всей своей жизни. Ему хотелось понять что-то главное, хотелось успеть додуматься до чего-то очень важного, до смысла своей собственной жизни и жизни вообще. Ему хотелось знать зачем он был на этой земле, какое и чье предназначение исполнял, если такое предназначение было ему дано вообще? А если оно было ему дано, то в чем заключалось? Пройти мимо личного продолжения, завершить на себе линию своих собственных предков с тем, чтобы по странному капризу провидения стать искусственным привоем на генеалогической ветви древа Бауэров? Чтобы быть завершающим исполнителем воли настоящего Аугуста Бауэра, и реализовать чью-то высшую волю, предопределившую истинному Аугусту Бауэру продолжиться через дочь и внука? Почему? Почему его собственная линия должна была остановиться? Почему его, Вячеслава Марченко, дочь Олюшка должна была погибнуть, а линия Аугуста Бауэра, место которого он занял, продолжиться? Кто это решил? А может быть – никто? Простая случайность в бездонной космической россыпи вариантов? Слепая, никому не подчиняющаяся математика вероятностей, лихорадка бесконечно малых и бесконечно больших чисел? Хорошо, допустим, что в результате борьбы случайностей с вероятностями в бездонном пространстве-времени произошла встреча нужных атомов в нужной комбинации при необходимых условиях соединения и, таким образом, как бы случайно зародилась самовоспроизводящаяся материя, то есть – жизнь. Пусть так: жизнь, как таковая, есть случайность, игра аминокислот, уникальная встреча определенных атомов в бесконечном времени. И пусть долгой цепью последующих и последовательных случайностей в качестве субъекта проявления этой жизни возник некто под наименованием Аугуст Бауэр, и примерно в это же время возник некто другой по обозначению Вячеслав Марченко.

И в силу, опять же, очередной цепочки случайностей линия жизни Марченко пересеклась с линией жизни Бауэра, и произошло то, что произошло. Какова же вероятность такой последовательности случайностей, в результате которой ненастоящий Бауэр сидит на берегу немецкой реки вместо настоящего, и при этом линия жизни настоящего Бауэра продолжается, а ненастоящего – оборвалась? Математик ответит: вероятность – ноль. Ноль! Следовательно – это не цепь случайностей, а что-то иное. Может быть, название этому иному – Разум? Ведь Разум есть величайшая загадка природы!

Разум является свойством, проявлением живой материи, но не является материей сам. Разум – это воля, это совесть, это осознание своего «я», это понимание того, что такое «хорошо» и что такое «плохо». Совесть не есть материя, но ведь она способна реально управлять материей и ее эволюцией! Как же так? Нематериальное управляет материальным? Здесь – некий разрыв в симметрии, нарушение единой логики Природы, которого быть не может, не должно. Но не кроется ли разгадка как раз в этом самом кажущемся разрыве логики?

Еще раз сначала: разум – этот нематериальный феномен существует объективно, и это факт, и единственным известным нам пока носителем разума во всей живой природе является человек. Памятью обладает все живое, и боль умеют испытывать все организмы, но только человек понимает причину и смысл испытываемой боли, только человек имеет волю и совесть – проявления разума и души. Почему? Зачем? Зачем эта странная, самопознающая, нематериальная, нерациональная

сущность – Разум – понадобилась столь рациональной в своей универсальности Природе? С какой целью?

Тот факт, что конкретный Аугуст Бауэр, наделенный разумом, материализовался не вследствие цепочки последовательных случайностей, имеющей нулевую вероятность, доказывает, что Природа ничего не создает зря, она не делает напрасно ни одного движения, она ни на что не тратит энергию даром, она эволюционирует целенаправленно! А следовательно, движущей силой Природы не может быть Хаос, иначе не было бы жизни – высокоорганизованной материи, отрицающей хаос, материи, выстроенной, напротив, из взаимодействия сложнейших закономерностей.

Итак, Разум существует, и Природа не хаотична, то есть не абсурдна. Тогда что она делает с Разумом? Зачем она так непоследовательно, неконструктивно, абсурдно распределяет его, управляет им? Куда девался Аугуст Бауэр? Тело его ушло в землю и превратится в землю, в прах – это понятно. Но зачем он был? Куда подевался тот целенаправленно внедренный в него космос, который жил в нем? Его мысли? Его вдохновения? Его устремления? Содрогания его совести? Боль его души? Куда испарилась его убеждения, которые ведь что-то да успели сместить, изменить в земном мире, пока он жил? Что? Все это тоже ушло с ним в землю и стало землей? Но как может превратиться в землю нечто нематериальное? Не может. Однако, это нематериальное существовало ведь вполне реально! Куда оно подевалось, куда? Погибло и распалось неведомыми фотонами души, не имеющими массы? Но тогда зачем оно было? Зачем оно потребовалось Природе? Зачем Она вкладывает Разум в каждого человека? Чтобы затем стереть его и забыть? Нет, даже не так: зачем Она выращивает частичку этого Разума в каждом человеке, начиная каждый раз с нуля, доводит это развитие до какого-то насыщения, называемого личностью, а затем все гасит, вычеркивает, забывает – миллиарды раз, снова и снова? Разве это не полный абсурд? Зачем Природа, раздавая искры Разума человеку, гасит их вновь, навсегда, и забывает. Но навсегда ли? И забывает ли? А если предположить, что каждый возвращенный человеческий Разум или каждая возвращенная Душа не исчезают в ничто, но уходят в некий Общий Банк Разума, в некое Хранилище Душ, чтобы пригодиться Замыслу, создать его базу данных, его бесценный запас? В этом случае у противоречия появляется если не объяснение, то хотя бы смысл, отрицающий абсурд. Потому что тогда абсурд отступает. Жизнь материального, живого тела конечна, и с этим ничего поделать нельзя – так установила сама Природа. Но Творец, избрав человека в качестве инкубатора Разума и Души, создает, выращивает для себя то, что Ему требуется, а именно – инструмент самопознания – Разум. Возможно, что Разум этот, возвращенный в человеке, нужен Творцу для последующего исполнения Своего Замысла. Ничего, абсолютно ничего все это не объясняет, и с этим умозаключением мы остаемся там же, где и были в понимании Замысла. Но хотя бы один крохотный шаг все же сделан, это – признание Разумности всего сущего.

А коль скоро нематериальный, вечный Разум существует объективно, то, возможно, не так уж и наивно предупреждение церкви о Втором Пришествии? Предположим, что когда-то в час «Икс» процессу накопления Разума будет положен конец. Количеству придет пора перейти в качество. Настанет то, что церковники называют Концом Света, и некая счетная комиссия приступит к работе на Страшном Суде. Доброкачественный Разум из Общего Накопителя Разума, из Хранилища Душ будет отсортирован от недоброкачественного. Этот последний, получив клеймо «грех», будет предан огню и забвению, а доброкачественный Разум, он же – чистые Души – поступит в распоряжение Замысла для дальнейшего, вечного употребления. Христианское предвидение сходится таким образом с философией Разумного, Бог соединяется с целесообразностью, а человек земной обретает стимул к праведной жизни...

«Жизнь праведная» – а что это такое? И так ли это просто? Кто даст подсказку? Душа? Или Разум? А если они молчат? Где тот аршин, которым измеряется праведность? Нагорная проповедь? «Не убий?». Да, конечно. Но ведь и тут все не так просто. А врага, напавшего на твое Отечество – тоже «не убий»? А врага, напавшего на тебя, старого и одинокого, чтобы могли выжить и размножиться дети врага твоего – тоже «не убий»? А недочеловека, намеренно, со злым умыслом отбирающего жизнь у твоего, у любого, ребенка? Этого тоже «не убий»? А пройти мимо и дать свершиться преступлению – то есть именно «не убить», но позволить этим самым другому убить другого – это деяние праведное? Нет, не все так просто. И нет того инструмента, которым измеряется Истина. А следовательно, каждый человек остается один на один с этими вопросами и ищет, и дает на них ответы каждый раз самостоятельно – «как Бог на душу положит». И остается человеку одна лишь надежда, что услышал он Бога в себе правильно и что ответы на поставленные ему вопросы давал верные на протяжении жизни своей. Надежда, что будет ему когда-нибудь выставлена справедливая оценка за эти ответы и что дано ему будет после этого постигнуть Великую Тайну, войти в нее и за ее чертой снова соприкоснуться разумом и душой с теми, с кем расстался и по кому тоскует...

«Если все это так, то, может быть, и для меня есть еще надежда? – размышлял Аугуст Бауэр, он же – Вячеслав Марченко, он же – Валентин Покрасов, он же – Андрей Хромов, – «Под каким именем, интересно, поступит мой разум в общую копилку? Хорошо бы знать это еще при жизни, сегодня. Но только кому уже дано это знать? Разве что у ласточек небесных, у стрижей мозельских спросить?»

Может быть, хотя бы они намекнут, начертая в воздухе стремительным почерком, встретится ли когда-нибудь мой разум с разумом того, настоящего Аугуста Бауэра, с которым мы даже знакомы не были... И еще... суждено ли мне встретить ТАМ Галину и Оленьку? И как мы узнаем друг друга? И что мы скажем друг другу, когда узнаем?»...

Заметив вдруг, что солнце уже село, Аугуст Бауэр спешно поднимался со своего стульчика, складывал мольберт и медленно, глубоко, с наслаждением вдыхая чистый воздух вечерних садов, шел к себе домой.

Аугуст шагал мимо аккуратных садиков с журчащими там крохотными фонтанчиками, и соседи сердечно приветствовали его:

– Hallo, Herr Bauer! Alles klar?

Аугуст уютно, старомодно приподнимал соломенную шляпу в ответ:

– Alles bestens, danke.

– Einen schönen Abend noch!

– Ebenso!

– Danke!

Затем тянулся в ночь долгий вечер с чаепитием под русские сушки. Внизу, в городе имелся «русский магазин», где можно было купить дорогие сердцу деликатесы: «докторскую» колбасу, сгущенное молоко, «Мишку косолапого» и «Красную шапочку», те же сушки, ну и сортов сто разных водок в праздничных бутылках неземной красоты. Еще на стенах там висели обязательные «Три богатыря», «Грачи прилетели» и «Аленушка», и продавщицы говорили по-русски. Аугуст Бауэр частенько закупался там.

Во время чаепития Аугуст обдумывал, что он скажет или напишет сегодня своей внучке Элечке. После чаепития наступало самое приятное время суток: в девять часов вечера Аугуст разговаривал с Аэлитой по телефону, или же садился писать ей письма. Люди мира давно уже «контактировались» электронно, но Аугуст любил писать письма по-старинке, живым почерком по белому листу. Сложить бумагу, наклеить марку, запечатать конверт – в самих этих действиях заключался волнующий приятный ритуал, и потом... ведь это есть реальный, материальный привет через предмет, соединяющий двух людей, которые соприкоснутся глазами и руками на этом чистом пятнышке земной материи.

После того, как Аэлита закончила гимназию и уехала в Мюнхен учиться на врача, Аугуст писал ей часто, почти каждый вечер. Не всегда это были законченные письма, чаще Аугуст писал с продолжениями, чтобы в конце недели отослать бедной девочке пухлый пакет со своим посланием. Аугуст очень жалел внучку: ей приходилось ох как трудно – особенно на первых порах, когда требовалось выучивать наизусть немислимое количество информации об устройстве человека со всеми его клеточками и косточками, да еще и на латыни. От всего этого можно было сойти с ума. Но Аугуст не хотел, чтобы его девочка сошла с ума, или стала «фах-идиоткой», что на русский язык можно перевести как «профессионально помешанный». Он даже эпитафия изобрел, которым снабжал каждое письмо: „Ein Fachidiot ist kein Genie – er sieht nur so aus!“ («зацикленный специалист только похож на гения»). Разумеется, Аугуст отдавал себе отчет в том, что своими письмами отвлекает Аэлилу от учебы, но именно этого он и хотел: чтобы она время от времени отвлекалась и рассеивала память, чтобы она улыбалась и смеялась. Для этого Аугуст старался писать ей смешные вещи: шуточные философские интерпретации, забавные, подмеченные им сценки из жизни людей и животных, комические наблюдения и соображения. Например, однажды он описал Элечке свое маленькое дорожное приключение: как он выпрыгнул из поезда в городе Гейдельберге на обратном пути из Мюнхена, когда возвращался от нее. Он просто не мог сопротивляться внезапному импульсу, объяснил он внучке. Уж слишком притягательным, слишком манящим было это название, это громкое имя – Гейдельберг, а также легендарный замок, легендарный университет, великие люди планеты, ходившие по этим камням и оставившие им свою вечную славу: Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Мартин Лютер, Герман Гельмгольц, Густав Кирхгоф, Дмитрий Менделеев, Софья Ковалевская, Роберт Шуман, Михаил Ломоносов. Пройтись по их следам, постоять там, где стояли они, увидеть вокруг себя то, что видели они и уловить, вдохнуть дух величия, сопутствовавший человечеству всего лишь сто-двести лет назад – это был соблазн такой силы, что старый Аугуст в последний миг, когда двери вагона уже закрывались, выскочил на платформу. Он, следуя указаниям прохожих, пошагал вдоль Курфюрстенанлаге в сторону университетской площади, постоял на ней, посидел на краю старого каменного колодца и двинулся дальше, в сторону замка, театральной декорацией возвышающегося на вершине холма. Аугуст приступил к неторопливому подъему в гору. Впереди него шла семья – родители и двое сыновей лет девяти и одиннадцати, соответственно. Разговаривали они очень интересно: родители исключительно по-русски, а дети по-немецки, причем на вопросы родителей, заданные по-русски, сыновья отвечали опять же по-немецки, но совершенно

вразумительно, что указывало на хорошее понимание ими русской речи. В начале подъема к замку, на камнях возле тропы сидели немецкие школьники с тетрадками и задавали идущим мимо разные вопросы, ответы на которые записывали затем в свои тетрадки. Такое у них было, надо полагать, домашнее задание. У российско-немецких детей школьники спросили куда впадает Рейн, и младший из сыновей задиристо ответил: «Никуда он не впадает!», а старший поддержал младшего: «Рейн в Голландии распадается на две реки и пропадает совсем, поэтому мой брат прав: Рейн никуда не впадает – он распадается». Один из школьников удовлетворенно кивнул, сделал отметку в табличке и задал следующий по сложности вопрос: «А куда впадает река Волга?». На сей раз ребята озадачились и стали озираться на родителей. Отец, надо полагать, большой юморист-любитель, предложил собственную шутовскую версию: «В море Лаптевых». – «Неправильно»,- строго заметил школьник. И тогда младший из детей, видимо что-то вспомнив, закричал: «Я знаю: Волга впадает в Рейн!».

- Думмкопф!- воскликнул старший и дал младшему дидактического щелбана в темя,- это Вутах ??? наш в Рейн впадает, а Волга вообще не у нас, она где-то по Русланду течет...

Посмеиваясь, Аугуст прошел мимо смутившихся от его улыбки русско-немецких родителей, дети которых ничего уже не знают о великой реке Волге, на берегах которой выросло столько поколений их предков - российских немцев.

Описывать Аэлите эту забавную сценку Аугуст в последний момент раздумал: ничего забавного в ней на самом деле не содержалось. Это была, скорей, очень грустная история, ибо что может быть печальней народа с оборванными корнями. Дети российских немцев, родившиеся в Германии – это первое поколение «вернувшихся» - хотя бы понимает еще русский язык и хоть что-то слышало о великой реке Волге; следующее и вовсе не будет иметь понятия, что это за «Волга» такая, и где она находится.

Но и без этой истории у Аугуста было много другого, что нужно было непременно сообщить Эле, а также необходимо было задать ей большой ряд вопросов, требующих подробных и обязательных ответов. Поэтому мысленно-письменный разговор с Аэлитой затягивался порой до поздней ночи.

• • •

Сосед напротив, Коля Вагнер, в конце концов допек Аугуста своими требованиями установить «русскую тарелку», и привел Валерку – толстого, усатого мужика, обвешанного проводами и сумками. «Валерка ловит направление на русский спутник кончиками усов точнее любого электронного прибора», - уверял Аугуста Коля Вагнер. Наверно, так оно и было, потому что телевизор Аугуста уже через час заголосоил по-русски. По-русски говорил и сам Валерка, но очень смешно говорил, на «адаптированном русско-немецком». Так, он произносил, например: «Надо сначала пошауать где тут у вас шуссельку бэфестиговать. Ага, зюд у вас там, это зер гут, нам это как раз отлично пассает. Только в дахе дырку придется пролохать. Но я зацуклебаю потом, кайн проблем, хер Аугуст. Лайтерушка найдется какая-нибудь?». Понимание Валеркиной речи достигало Аугуста со сдвигом в полсекунды. Но «лайтерушка», то есть лесенка-стремянка нашлась, и толстый Валерка очень ловко все «смахал», «шшюссельку бэфестиговал», дырку «пролохал» и «зацуклебал», кабели «продурхлеговал» и «аншлисовал», так что в тот же вечер еще Аугуст мог «шауать» и «хёрать» русские программы.

С этого дня, если он не был занят с документами Аббаса Геллуни, не работал над книгой о российских немцах и не писал писем Аэлите, Аугуст сидел перед экраном телевизора и активно участвовал в разного рода политических поединках Владимира Соловьева, выступая при этом активнейшим третейским судьей почти в каждой дуэли. Он постигал моменты истины с Андреем Карауловым и много кой-чего полезного подсказывал тому, хотя телеведущий и не мог слышать мудрого старика из Германии, а все также внимал, интенсивно кивая, Михаилу Леонтьеву с его проблемными политическими телекомментариями, повторяя вслед за журналистом в конце передачи «Однако!». А раз в неделю, уже с утра распалась, Аугуст весь вечер оглушительно орал третьим голосом, стараясь перекричать жутко вопящих, стоящих друг против друга и ничего не желающих слышать друг от друга оппонентов Сергея Кургияна и Николая Сванидзе, объявляющих свои разнонаправленные, но равнобеспощадные приговоры Истории.

Сосед Друккерт, слыша громкие вопли в доме Аугуста Бауэра, давно уже перестал звонить в полицию и сообщать, что старика Бауэра убивает русская мафия. Друккерт теперь уже знал наверняка, что старый Бауэр таким способом смотрит телепередачи из России.

Особенно любил Аугуст смотреть канал «Культура», а также историческую программу «365 дней». И еще он обожал старые фильмы из серии «Легенды нашего кинематографа». Но и современное российское кино его интересовало все больше. Очень забавно было рентнеру Друккерту, развернув любительский телескоп с фотоприставкой на окна соседа Бауэра, наблюдать со стороны, как старый Аугуст смотрит телевизор и плачет. Друккерт недоумевал. Ладно бы показывали биржевые новости, так нет же – от обыкновенного художественного кино плачет его русский сосед! А с чего там

плакать? Кино оно и есть кино – пиф-паф и хэппи энд через полтора часа с рекламой пополам: чистая потеря времени.

Откуда было знать бывшему страховому агенту Друккерту, что старый Аугуст смотрит не голливудский фастфудный непотреб, а плачет от «Судьбы человека» по Шолохову, или, в другой раз, уже от современного российского фильма под названием «Остров». Хорошо, что у телескопа нет ушей, понимающих русский язык, а то бы Друккерт еще больше удивился, слыша, как его сосед, сидящий перед «Островом» утирает слезы и шепчет странные слова: «Возрождается, возрождается, ей-Богу, честное слово! Ведь возрождается же! Какой фильм!...».

Что ж, он действительно был уже очень стар, этот Аугуст Бауэр. Но не дряхл, нет! Задора в нем было много, еще ого-го сколько, и сосед Друккерт мог это подтвердить. Так, например, Друккерт замечал, что Бауэр по два-три часа кряду слушает эстрадные концерты и часто подпевает, а то и приплясывает перед экраном.

Иногда, выключив телевизор, Аугуст шел к реке и все еще напевал по инерции. Так, например, запала ему в сердце песня Марка Фрадкина на стихи Роберта Рождественского:

...В небе колышется дождь молодой, ветры летят по равнинам бессонным,

Знать бы, что меня ждет за далекой чертой –

Там, за горизонтом, там, за горизонтом там, там-тарам, там-тарам...

И вот шагал Аугуст мимо участка Друккерта и напевал себе под нос эту песенку тихонечко. Однако к концу строфы голос его креп, и последнюю строчку припева старый Аугуст выдавал уже в полную мощь, так что соседу Друккерту оставалось лишь сокрушенно качать головой, слыша непонятные звуки, летящие мимо него в сторону виноградников:

... Там, за горизонтом, там, за горизонтом... там, там-тарам, там-тарам...

Но иногда Аугуст шел к реке и ночью, на рассвете, почти крадучись, чтобы не спугнуть рождение нового дня. Он просыпался еще в темноте, и заметив первые признаки утра шел к окну, чтобы проверить, каким рождается этот новый день. Если небо было чистым, то он одевался, брал свой холщовый стульчик и отправлялся на высокий берег реки. Там он садился лицом на восток и терпеливо ждал, когда над землей, в стороне России поднимется солнце. Это было очень важно для него – не пропустить момент восхода солнца. И каждый раз он слегка волновался, как волнуются православные в пасху перед пещерой в Иерусалиме, в которой должен вспыхнуть священный огонь.

И каждый раз солнце всходило! И каждый раз, когда золотой огонь опаял кромку горизонта, и великий шар жизни торжественно поднимался над землей, Аугуст Бауэр испытывал тихий, священный восторг, от которого слезились его глаза, напоенные чистым утренним светом.

.....

Кобленц,

Апрель, 2012